

Научное мнение. 2025. № 12. С. 30–35.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 12. P. 30–35.

Научная статья

УДК 101.1

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_12_30

ВЕК БОГОВ, ВЕК ГЕРОЕВ, ВЕК ЛЮДЕЙ... О МИФАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Олег Геннадьевич Арапов

МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия

arapov@mirea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8107-9958>

Аннотация. В статье ставится проблема осмысления роли мифа и значения мифотворчества для выработки стратегий будущего развития человеческой цивилизации. На основе современных подходов проводится различие между мифом и мифологией. При анализе вопросов современного исторического периода рассматриваются антропологические концепции техники и технического мира. Особое внимание уделяется идее незавершенности исторического развития человечества, ставится проблема цифрового бессмертия человека.

Ключевые слова: техника, цифровизация, миф, миф современности, апокалипсическое и катастрофическое сознание, утопия, антиутопия, отчуждение, цифровое бессмертие

Original article

THE AGE OF GODS, THE AGE OF HEROES, THE AGE OF HUMANS... THE MYTHS OF THE CIVILISATION OF THE NEW MILLENNIUM

Oleg G. Arapov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

arapov@mirea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8107-9958>

Abstract. The article addresses the problem of understanding the role of myth and the significance of myth-making in the development of strategies for the future evolution of human civilisation. On the basis of contemporary theoretical approaches, a distinction is drawn between myth and mythology. In analysing issues characteristic of the present historical period, the article examines anthropological conceptions of technology and the technological world. Particular attention is paid to the idea of the incompleteness of humanity's historical development, and the problem of human digital immortality is raised.

Keywords: technology, digitalisation, myth, contemporary myth, apocalyptic and catastrophic consciousness, utopia, dystopia, alienation, digital immortality

Продолжим, до определенного момента, перечень, начало которого вынесено в заглавие статьи: *век машин/робототехники, век цифры...* Сила традиции склоняет нас к необходимому восприятию его незавершенности, как и неизбежной для нас конечной неисполненности человеческого исторического

бытия, как и когда бы оно ни завершилось: прошлое, перетекая в настоящее, не вызывает его из небытия с ничем не колебимой силой притяжения и прямолинейно действующей закономерностью, однозначностью воплощения форм бытия и способов существования, как и само наступившее настоящее не может

в существе своем быть хоть сколько-нибудь полным оправданием будущего. Будущее до некоторой степени есть всегда *tabula rasa* культуры: человечество, каким ему удалось стать к переживаемому в качестве «настоящего» некоторому моменту времени, трансцендируя сложившийся свой образ в будущее время, созидает себя во многих отношениях внове, как и сам мир, включенный в сферу человеческой деятельности, тем самым не ведая со всей определенностью, как свершится будущее настоящего и каким станет настоящее *так* реализуемого будущего.

Дальнейшее философское углубление в вопрос о современной культуре, которая, необходимо это отметить, представляет собой эпоху переходную от одного исторического времени, с его уже сложившейся мифологией, к другому, пока еще безымянному, в силу непряности его мифологических реалий, времени, требует от нас ясного понимания самого мифа как универсального, передающегося от поколения к поколению людей опыта культуры, просветляющего (или же, напротив, затеняющего) ее существо и перспективы развития. Это представляется тем более важным, что сама современность актуализирует принципиальную связь различных сфер общественной жизни и аспектов развития культуры с мифом, продолжая тем самым начавшийся еще в VIII в. поиск рациональных ее оснований и обоснования сущности процессов мифотворчества не только для архаики, но также и для современной культуры с позиций разума.

С точки зрения ряда современных исследователей, необходимо различать *миф* как первоначальное бессознательное средоточие базовых смыслов и *мифологию*, понимаемую в качестве первой рационализации этих смыслов, придания им вида чувственных образов, а также повествовательной формы их репрезентации. В книге «Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики» известный историк и теоретик культуры Михаил Ямпольский, ссылаясь на мнение

французского философа Ж.-Л. Нанси, относительно этого вопроса пишет следующее: «Мифом, как мне кажется, можно называть текст недифференцированной потенциальности, противоположный тому, что можно называть *мифологией*, т. е. зафиксированным корпусом нарративов, порожденных мифом. Миф всегда касается истоков, которые невыразимы. Жан-Люк Нанси как-то заметил: «... под “мифом” следует понимать открытость к возможности смысла — смысла, не оснащенного состоявшимися значениями (тем, что я бы назвал “мифологией”), но просто смыслом, как движением, событием, существованием», и я бы добавил, вслед за Шеллингом, — *переходом*. Там, где возникает миф, мы оказываемся в области невыразимого, в области молчания или неартикулированной речи. <...> Я согласен с Нанси в том, что бывают *переходные* эпохи, когда общество движется *от мифа к мифологии и наоборот*, от сформулированного и многократно повторенного к невыразимому и первичному» [1, с. 52–53].

Вслед за Венсаном Декомбом, само понятие современности М. Ямпольский поставил в необходимую для понимания ее специфики связь с идеей актуальности. Современность — это не принадлежность некой общей абстрактной хронологии, она представляет взаимодействие разных, независимых друг от друга установок и взаимовлияющих видов деятельности. «Современные практики ... современны потому, что тот факт, что они осуществляются в одно и то же время, понуждает к взаимодействию во всех смыслах слова» [1, с. 34]. Однако для того, чтобы оказывать влияние и взаимодействовать, они должны сохранять свою исходную *разнородность*, обусловленную как временем происхождения, так и подразумеваемыми ими планами бытия — психическим и природным, физическим и метафизическим, имманентным и трансцендентным и др.

Относительно мифа, толкования его существа и роли современной культурой, равно как и самого *мифа современности*, Ямполь-

ский утверждает следующее: «Именно многовременность и множественная локальность и есть фундаментальная черта мифа, которую со-временность обнаруживает в себе. Миф со-временности в этом смысле является прямой противоположностью тоталитарному мифу, стремящемуся, трансцендировать *множественность в Едином*» [1, с. 34].

Нынешним существованием мы завершаем новоевропейский период истории культуры, который питал лежащий в его основе титанический миф о своего рода новой космогонической по своим функциям и открывшимся возможностям «стихии» человеческого разума, кардинальным образом преобразующего предметную реальность мира, а также вселили практически ориентированной науки, техники и технологий, одной из важнейших составляющих которого была широко понимаемая (не только в политическом смысле) идеология власти. Это — время машин, машинерии различных видов массового производства, наконец, робототехники, внедрившейся во все общественные сферы и быт, время, обозначившееся одной из первых форм рационализации базового мифа культуры — бэконовской философской верой в осуществимость научно-технического прогресса и возможность установления господства человека над миром («Знание — сила»). Далее последовали неминуемая, как представляется, «смерть бога» и появление сверхчеловека Ницше, а также окончательное «расколдовывание мира». «Свершилось: Макс Вебер придумывает великое слово “расколдовывание мира”». В одном эссе о ключевых понятиях социологии он пишет о том, что важно для капиталистической структуры общества: растущая технизация и онаучивание, рационализация того, что раньше считалось чудом. “Расколдовывание мира” означает, выражаясь словами самого Вебера, что человечество верит, будто все можно освоить путем расчета» [2, с. 104]. Таковы основные вехи развития и воплощения в действительности новой мифологии техногенной цивилизации на этом временном витке ее существования.

Кроме того, обозначенное время представляет собой период последовательного развития и смены утопического, позитивно-натуралистического (в этическом плане — прагматико-утилитаристского), и, наконец, антиутопического мировосприятия. Утопическая мифология, которая, начиная с XVI столетия европейской истории, определяла различные научные и социально-политические проекты, в которых доминировали идеи прогресса во всех областях человеческого знания и общественного развития за счет первостепенного действия разума и доброй воли человека, а также образы будущего как времени сбывшейся мечты о процветании человечества и гармонии, достигнутой между человеком и миром [3], в конце концов сменились антиутопическими смыслообразами мифологического сознания, основой которых служит чувство тотального одиночества и неприкаянности «заброшенного» в мир человека, тяжело переживаемый трагический разрыв между человеком и миром, грозящий человечеству, как представляется, неминуемой гибелью. Глубочайший пессимизм и нигилизм человека, отчужденного от себя самого, других людей («ад — это другие») и общества в целом, с его тотальным контролем над всеми сферами жизни, вместо первоначального всемирного оптимизма, — так осуществляет себя полнота диалектической логики мифа [4].

В своей работе «Об апокалипсическом времени» Эммануэль Мунье говорит о двух типах мировосприятия, каждый из которых, как на уровне индивидуального, так и коллективного сознания, по-своему определяет природу отношений настоящего, прошлого и будущего в их взаимосвязи и на границах разрыва: речь идет об *апокалипсическом* и о *катастрофическом* типах исторического сознания, а также развившихся на их основе представлениях об исполненных истинного драматизма реалиях человеческого бытия в мире и неоднозначных оценках его перспектив. И тот и другой типы сознания и мировосприятия исходят из идеи конца мира: как мрачно мерцающей на горизонте всемир-

но-исторического существования *возможности* катастрофического финала, чтобы конкретно под этим ни подразумевалось, в одном случае, и строго диктуемой *необходимости*, а потому неотвратимости такого конца мира ветхого в случае христианской апокалиптики. Таким образом, в обоих случаях исхода исторического бытия речь идет о пугающе неизбежном, в силу сложившихся обстоятельств, либо неизбежно полагаемом конце мира, однако, если апокалипсическое сознание, несмотря на некоторые мрачные свои стороны, в целом имеет положительный заряд и будущее — правда, уже за горизонтами *этого* мира — представляется ему скорее в положительном свете, то сознание катастрофическое, напротив, оценивает перспективы отрицательно, как по сути неостановимо усугубляющийся всеобщий кризис существования и имеет относительно настоящего, а главным образом будущего, пессимистический настрой.

В настоящий момент, когда, как уже было сказано выше, столь явно обозначились многие проблемы современного этапа цивилизационного развития человечества, в общественном восприятии образов настоящего и будущего начинают преобладать негативные его оценки и упаднические умонастроения. «Впервые за много лет, — пишет Мунье, — людей неотступно преследует мысль о том, что конец света возможен, и эта угроза живет рядом с нами; мы, люди, сможем увидеть ее воплощенной. Во многом это — конец светского мира, горизонт которого, если можно так сказать, уже виднеется. Но от этого наши перспективы не радостнее. Подобное коллективное чувство не так часто рождалось в истории, чтобы сегодня люди не оценивали его как основополагающий факт нашей эпохи» [5, с. 442]. Апокалипсическое мировосприятие получает свое выражение и развитие в утопических нарративах, тогда как катастрофическое умонастроение проявляется с наибольшей силой в антиутопической культурно-исторической мифологии. В случае с последним свою выдающуюся роль играют

образы механизмов, машинной техники и робототехники, тотально технизированного мира, а также, в особенности в последние десятилетия, разнообразные виды виртуальной реальности и цифрового бытия — завораживающие и манящие своей бытийственной пластичностью, пленяющие, как кажется, бесконечным разнообразием возможностей воплощений жизни и реализации экзистенциальных проектов, но при этом много усиливающие внутреннее чувство одиночества, ностальгии по реальной жизни и *обналиченности* смерти. Ностальгии по конечности и хрупкости обнаженного и чуткого в своем глубоко естественном поэзисе всемирно *отзывчивого* человеческого бытия.

Техника рассматривается философами XX в. в качестве важнейшего фактора цивилизационного развития и одновременно того, с чем связывают новый этап в развитии и последующем осмыслении проблемы *отчуждения*, отчужденного человеческого существования. Карл Ясперс дает следующее определение техники: «Техника — это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой: цель их — придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды» [6, с. 115]. Однако о чем знает, кроме устройства самой техники, и *ближайших* целях применения технических средств применяющий технику человек? Что знает он о себе самом и целях своего бытия и производства реальности? Какой она должна быть для того, чтобы существо человека получило свое наиболее полное выражение? В чем состоит это существо? Какие фундаментальные смыслы определяют существенность процессов, характеризующих его теперешнее существование?... и прочие многие вопросы, ответы на которые восходят к базовому мифу культуры как чему-то безусловно значимому, однако же пока скорее лишь предчувствуемому, бессознательному, впрочем, от этого не менее действенному, хотя еще не достигнутому ввиду «неартикулированности

речи» текстуальной определенности и языка, способного создавать мифологические нарративы постмашинного времени. Красноречивое молчание мифа необходимо прервать.

Сам К. Ясперс указывает на проблему, представляющую современное положение человека в техническом мире, где отчужденный от себя и своего труда человек оказывается лишь малым фрагментом в механизме общественного промышленного производства, трактуемого им в достаточно широком спектре экономических процессов и социальных практик. Другой немецкий философ Мартин Хайдеггер, подвергая критике «инструментальное» определение техники Ясперса и подобные ему определения как недостаточные для понимания ее сути и роли в человеческом бытии, эту технику производящем, в свою очередь, утверждает, что существо техники, которое и должно определять наше ее понимание, заключено в чем-то ином. «Техника не то же, что сущность техники, — пишет Хайдеггер в работе «Вопрос о технике». — ...Сущность техники не есть что-то техническое» [7, с. 221]. Сущность техники у него оказывается связанной с *про-изводством* самого человеческого существа. Поэтому вопрошание о технике есть путь погружения человека в сущность своего существа. С другой стороны, нераскрытая сущность техники поглощает человеческую сущность, которая тем самым технизируется. Технизация есть способ утаивания человеческой сущности, отсюда те искажения, которые являются прямым следствием такого рода потаенности. Это процесс обратный тому, о котором пишет отечественный мыслитель Николай Бердяев, именно — необходимости гуманизировать

технику, одухотворить как человека в самих основах его бытия, так и мир техники [8].

Сегодня модернистская и антиутопическая по своей сути мифология «восстания машин», многократно и весьма разнообразно представленная в культуре XX в., правда, не всегда в полной мере отрефлексированном виде, постепенно сменяется новейшей культурной и экзистенциальной мифологией *бегства* в цифровое пространство и сокрытия в нем тайны жизни и таинства смерти. Сугубо биологическое, я бы сказал, начало культуры и техники, с его жизненным инстинктом, находит свое первостепенное выражение в мечте отчужденного от себя человека об обретении собственного бессмертия. Проблема клонирования, т. е. искусственного порождения форм жизни и видов живых существ, прежде всего, человека, которой завершает свое развитие век машин, когда биология превалирует над духом, с точки зрения экзистенциального подхода демонстрирует дегуманизацию самой жизни и человеческого существования.

Важнейшей составляющей нового мифа в процессе его рационализации становится тема *цифрового бессмертия*. Однако мы видим, как здесь человеческая сущность поглощается до полного ее растворения небиологической основой. Смерть в неузнанном и непризнанном своем облике вторгается в жизненное пространство современного человека. Цифровое бессмертие как одна из центральных мифологем нового века — это смерть наоборот; с необходимой долей условности, я бы назвал это *Кошечевым комплексом*. Такое оборотничество смерти чревато почти полной утратой всех прежних гуманистических ценностей.

Список источников

1. Ямпольский М. Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. 416 с.
2. Иллиес Ф. 1913: Лето целого века. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 272 с.
3. Йейтс Ф. Розенкрейцеровское Просвещение. М.: Алетея, Энигма, 1999. 496 с.
4. Голосовкер Я. Э. Имагинативный Абсолют. Избранное. Логика мифа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 7–170.

5. Мунье Э. Об апокалипсическом времени // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 442–458.

6. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 28–286.

7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

8. Бердяев Н. А. Человек и машина // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 499–523.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Информация об авторе:

О. Г. Арапов — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и общественных наук ИТУ.

Information about the Author:

O. G. Arapov — Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies.